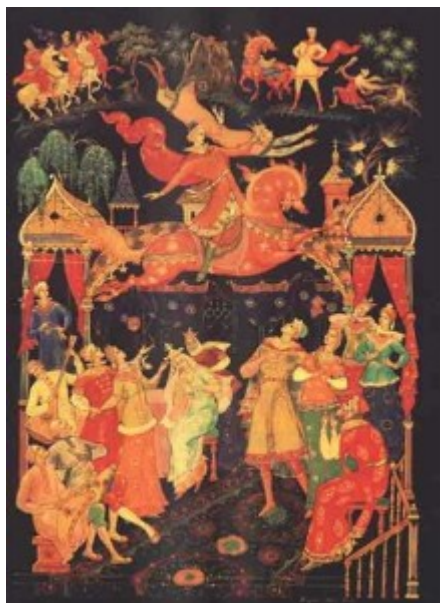

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван Быкович

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на покормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первую ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

– На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

И вот разом забрюхатели: и царица, и её любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван, кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит бельё переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится.

По десятому году пришли они к царю и говорят:

– Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

– Ну, братцы, – говорит Иван-царевич, – давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

– Ладно, – отвечал Иван Быкович, – бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина

сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил – вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею.

– Давайте, – говорит царевич, – ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет больший брат.

– Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил – палка через четверть часа назад упала, а Иван Быкович бросил – только через час воротилась.

– Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

– Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? – сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился – нет, не берет сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, – камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

– Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою – камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

– Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились. Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и

приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо – повёртывается.

– Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

– Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

– Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

– Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт.

– Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё – пустехонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

– Братцы! Мы заехали в чужедальнюю сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану, кухаркину сыну, а третью – Ивану

Быковичу. Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт^[1] ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

– Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

– Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

– Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

– Ну что, не видал ли чего?

– Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо – чья возьмёт!

Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

– Что, брат, не видал ли за ночь чего?

– Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

– Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

– Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польёт – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам.

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я только дуну – его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись!

– А, ты здесь! Зачем пришёл?

– На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

– Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

– Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

– Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

– А! – говорит чудо-юдо, – ты обманом живёшь; у тебя помощь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб

все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

– Эх вы, сони! – говорит Иван Быкович. – Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка.

Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать:

– Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

– Не горюй, матушка! Мы ему за всё отплатим, – говорят чудо-юдовы жены.

– Вот я, – говорит меньшая, – напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт – тот сейчас лопнет.

– А я, – говорит середняя, – напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся – того я утоплю.

– А я, – говорит старшая, – сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет – тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать,

да Иван Быкович наперёд заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест – только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем и с золотой кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Иван Быковичу:

– Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись – нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу – старому старику.

– На тебе, – говорит, – нашего губителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

– Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

– Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

– Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на всё готов.

– Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое

государство и достань мне царицу – золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому чёрту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

– Вот тебе, Ванюша, дубинка, – говорит старик, – ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришёл к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает:

– Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

– Все за мной! – и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад – и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке:

– Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

– Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает к лодке другой старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, вино-пиво пить.

– Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

– Говори: что умеешь?

– Я, батюшка, умею в бане париться.

– Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут ещё лодка подъехала; говорит четвёртый старичок:

– Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

– Да ты кто такой?

– Я, батюшка, звездочёт.

– Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

– Прах вас возьми! Куда мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

– Я, батюшка, умею ершом плавать.

– Ну, милости просим!

Вот поехали они за царицей – золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно

сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчётное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает:

– Чтоб это значило?

– Это всё для тебя наготовлено.

– Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

– Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

– Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

– А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Всё приел и ну кричать:

– Мало хлеба; давайте ещё!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил.

– Мало, – кричит. – Подавайте ещё!

Засуетилась прислуга; бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица – золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять вёрст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнём пышет, и говорит:

– Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

– Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

– Я, батюшка! Моё дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул – вся баня остыла, а в углах снег лежит.

– Ох, батюшки, замёрз, топите ещё три года! – кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу – золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело – ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

– Ну, – говорит Иван Быкович, – совсем пропала! – Потом вспомнил: – Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

– Я, батюшка! Моё дело ребячье, – отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звёзды; одну нашёл лишнюю и ну толкать её! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею – золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» – думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

– Ты, что ль, горазд ершом плавать?

– Я, батюшка, моё дело ребячье! – Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукой и давай её под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею – золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею – золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

– Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

– Нет, погоди, – отвечает Иван Быкович, – не подумавши сказал!

– А что?

– Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка; кто по жёрдочке пройдёт, тот за себя и царицу возьмёт!

– Ладно, Ванюша! Ступай ты наперёд.

Иван Быкович пошёл по жёрдочке, а царица – золотые кудри про себя говорит:

– Легче пуху лебединого пройди!

Иван Быкович прошёл – и жёрдочка не погнулась; а старый старик пошёл – только на середину ступил, так и полетел в яму. Иван Быкович взял царицу – золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

– Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не

попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

---

[1] – Хорт – собака, пес (Ред.).

Загрузка...